

Садков корабль стал на море

Как по морю, морю по синему
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един сокол-корабль
Самово Садка, гостя богатова.

А все карабли, что соколы летят,
Сокол-карабль на море стоит.
Говорит Садко-купец, богатой гость:

«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди, подначальныя!
А вместо все || вы собирайтесь,
А и режьтя жеребья вы валжены,
А и всяк-та пиши на имена
И бросайте вы их на сине море».

Садко покинул хмелево перо,
И на ем-та подпись подписано.

А и сам Садко приговариват:
«А ярыжки, люди вы наемныя!
А слушай речи праведных,
А бросим мы их на сине море,
Которые бы по́верху пловут,
А и те бы душеньки правыя,
Что которые-то во море тонут,
А мы тех спихнем во сине море».

А все жеребья поверху пловут,
Кабы яры гоголи по заводям,
Един жеребей во море тонет,
Во море тонет хмелево перо
Самово Садка, гостя богатова.

Говорил Садко-купец, богатой гость:

«Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
А вы режьтя жеребья ветляныя,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами к ним приговаривай:
А которы жеребьи во море тонут, —

А и то бы душеньки правыя».
А и Садко покинул жеребей булатной,
Синева булату ведь заморскова,
Весом-то жеребей в десеть пуд.
И все жеребьи во море тонут, —
Един жéребей поверху пловет,
Самово Садка, гостя богатова.
Говорит тут Садко-купец, богатой гость:
«Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
Я са(м), Садко, знаю-ведаю:
Бегаю пó марю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани-пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опúсковал, —
По меня, Садка, смерть пришла,
И вы, купцы-гости богатые,
А вы, целовальники любимые,
А и все приказчики хорошия!
Принесите шубу соболиную!».
И скоро Садко нарежается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шáхмотницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги вольящеты.
И спущали сходню ведь серебряну
Под красным золотом,
Походил Садко-купец, богатой гость,
Спускался он на сине море,
Садился на шáхмотницу золоту.
А и ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя
Утащили сходню серебряну
И серебряну под красным золотом ее на сокол-корабль,
А Садка остался на синем море.
А сокол-карабль по морю пошел,
А все карабли, как соколы, летят,

А един карабль по морю бежит, как бел кречет,
Самово Садка, гостя богатова.
Отца-матери молитвы великия,
Самово Садка, гостя богатова:
Подымалася погода тихая,
Понесло Садка, гостя богатова.
Не видал Садко-купец, богатой гость,
Ни горы, не берегу,
Понесло ево, Садка, к берегу,
Он и сам, Садко, тута дивуется.
Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую, во все дерево,
Нашел он двери, в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской:
«А и гой еси ты, купец-богатой гость!
А что душа радела, тово бог мне дал:
И ждал Садка двенадцать лет,
А ныне Садко головой пришел,
Поиграй, Садко, в гусли звончаты!».
И стал Садко царя тешити,
Заиграл Садко в гусли звончаты,
А и царь морской зачал скакать, зачал плесать,
И тово Садка, гостя богатова,
Напоил питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьян он стал,
И уснул Садко-купец, богатой гость.
А во сне пришел святитель Николай к нему,
Говорит ему таковы речи:
«Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты:
Расплесался у тебе царь морской,
А сине море сколыбалося,
А и быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасныя

Тово народу православнова».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плесать,
Утихла моря синяя,
Утихли реки быстрыя,
А поутру стал тут царь морской,
Он стал Садка уговаривать:
А и хочет царь Садка женить
И привел ему тридцать девиц.
Никола ему во сне наказовал:
«Гой еси ты, купец-богатой гость,
А станет тебе женить царь морской,
Приведет он тридцать девиц, —
Не бери ты из них хорошую, белыя румяныя,
Возьми ты девушку поваренную,
Поваренную, что котора хуже всех».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Он думался, не продумался,
И берет он девушку поваренную,
А котора девушка похуже всех.
А и тут царь морской
Положил Садка на подклете спать,
И ложился он с новобра[ч]ною.
Николай во сне наказал Садку
Не обнимать жену, не целуй ее!
А и тут Садко-купец, богатой гость,
С молодой женой на подклете спит,
Свои рученьки ко сер(д)цу прижал,
Со полуноче в просонье
Ногу леву накиннул он на молодую жену.
Ото сна Садко пробужался,
Он очутился || под Новым-городом,
А левая нога во Волх-реке, —
И скочил Садко, испужался он,
Взглянул Садко он на Нов-город,
Узнал он церкву — приход своих,
Тово Николу Можайскова,

Перекрестился крестом своим.
И гледит Садко по Волх, по Волх-реке:
От тово синя моря Хвалынскова
По славной матушке Волх-реке
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Един корабль самово Садко, гостя богатова.
И встречает Садко-купец, богатой гость,
Целовальников любимых.
Все корабли на пристань стали
Сходни метали на крутой берег,
И вышли целовальники на крут берег,
И тут Садко поклоняется:
«Здравствуйте, мои целовальники любимыя
И приказчики хорошия!».
И тут Садко-купец, богатой гость,
Со всех кораблей в таможду положил
Казны своей сорок тысящей,
По три дни не осматривали.

Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. — М.:
Наука, 1977.